

Лань Чжуй испуганно вздрогнул:

— Почему?

Фан Юньсюань улыбнулся:

— Все те люди — твои старые знакомые. Разве ты сможешь поднять на них меч?

— Я не стану отнимать у них жизни, — Лань Чжуй с досадой опустил голову, глядя на легкий дымок, поднимающийся от горячего чая. — Но я не могу позволить тебе идти в одиночку.

— На самом деле между нами нет никакой смертельной вражды. Решающая битва... ха, сама эта идея до безумия глупа, — Фан Юньсюань откинул со лба прядь волос, падающую на плечо. — Если бы Цюйчэнь не находился в их руках, я бы и пальцем о палец не ударил ради этого.

Лань Чжуй вздохнул:

— И что докажет даже полная победа? Разве те, кто погибнет в этой распре, не лишатся всего?

Фан Юньсюань пристально посмотрел на него и мягко улыбнулся:

— К счастью, твой венценосный брат не отправил тебя на границу. Если бы ты со своими высокими принципами рассуждал так на поле боя, разве не отдал бы государство врагам без единого удара?

— В военном деле я и впрямь не силен. С детства любил лишь боевые искусства, а седьмой брат охотно изучал трактаты по стратегии — все эти годы он помогал старшему брату во дворецких делах. Я... лишь сегодня понял, что до сих пор даже не знал, к чему стремился.

Юньсюань подошел к нему со спины, крепко обнял за плечи и, склонившись к самому уху, тихо прошептал:

— Небеса обошлись с тобой милостиво, раз избавили от участи делить трон с кровными братьями, иначе с твоим характером ты бы и дня не продержался при дворе!

Лань Чжуй чуть повернул голову и легко коснулся его губ поцелуем:

— Где родиться — неважно, я боюсь лишь не встретить тебя!

Последующие три дня пролетели стрелой, словно прекрасный сон. Каждый вечер засыпать под нежные поцелуи любимого, а просыпаясь, видеть его спящим рядом — Лань Чжуй никогда прежде не чувствовал себя настолько счастливым.

Но счастливые мгновения всегда мимолетно ускользают. Видя, что срок подошел, Фан Юньсюань отдал приказ всем готовить дорожные сумки: выступать на рассвете.

В ту ночь Фан Юньсюань был необычайно страстен. Он снова и снова ласкал Лань Чжуя, словно никак не мог насытиться, и не желал расставаться с ним ни на секунду.

— Поспи хоть немного, иначе откуда завтра возьмутся силы махать мечом? — задыхаясь, проговорил Лань Чжуй, глядя на мужчину, лежавшего под ним. Растрепанные волосы рассыпались по белой простыне, а бледная кожа была сплошь покрыта следами поцелуев.

Фан Юньсюань притянул его за шею вниз и запечатлел долгий, упоительный поцелуй — страстный и бесконечный, пока Лань Чжуй не оттолкнул его с легким упреком и головной болью:

— Хватит баловаться, давай отдохнем, м?

Фан Юньсюань перевернулся, накинул верхнюю одежду, встал с постели и подошел к столу, налив чашку чаю. Он протянул ее Лань Чжуй:

— Выпей воды, а затем как следует отдохни.

Ничего не подозревая, Лань Чжуй осушил чашку, и уже мгновение спустя на него обрушилась непреодолимая волна сна:

— Юньсюань, я прилягу на минуту... Как соберетесь выступить, разбуди меня.

— Спи, — Фан Юньсюань нежно огладил его погруженное в сон лицо, и во взгляде мелькнула скорбь. — Когда ты проснешься, все будет кончено.

Он быстро привел себя в порядок, оделся, а когда всё было готово, на мгновение замер перед лежащим на столе Клинком Разрывающего Пустоту. Поколебавшись секунду, он все же взял оружие с собой:

— Если я погибну на горе Циюнь, этот клинок достанется им. Впрочем, так даже лучше — хоть тебя потом перестанут донимать.

Вернувшись к постели, он увидел, что любимый погружен в глубокий сон, а его расслабленное лицо не хранило и следа прежней настороженности. Фан Юньсюань склонился над ним, припав грудью к его груди, и прислушался к ровному стуку сердца; смятенная душа наконец обрела покой. Глаза его скользили по лицу возлюбленного, не в силах оторваться.

— После моей смерти... будешь ли ты одинок?

Вспомнив их первую встречу, он невольно улыбнулся. Тогда он был задет до глубины души непокорностью Лань Чжуй, нарочито держался холодно, а тот все равно по доброте душевной сварил для него лапшу. Та простая, ничем не примечательная миска хранила вкус, который невозможно было забыть.

А та ночь на постоялом дворе близ Цзиньлина, когда он нарочно дразнил Лань Чжуй и будил его, наблюдая за растерянным лицом, — одно воспоминание об этом вызывало улыбку.

Лань Чжуй, Лань Чжуй... Как было бы прекрасно делить с ним века?

В дверь дважды тихо постучали, и раздался нерешительный голос Бэй Су:

— Владыка, все готовы.

Фан Юньсюань легко вздохнул, приподнялся и запечатлел на губах Лань Чжуй прощальный поцелуй.

Поднялся ветер. Солнце скрылось за грядой серых туч, небо заволочло дымкой, казалось, вот-вот разразится гроза.

Вершина горы Циюнь, окутанная клубящимися облаками и туманом, уже пестрела от собравшихся героев цзяньху. Выражения на их лицах были самыми разными: кто-то горел возбуждением и предвкушением, а многие едва сдерживали страх, напуская на себя героический вид.

Вдруг кто-то зычно крикнул:

— Они идут!

Толпа вздрогнула, замерши в ожидании смертельной угрозы.

Гора Циюнь располагалась между двумя крупными городами, и странники боевых искусств ради экономии времени часто срезали путь через горы, избегая официальных трактов. Вершина была расчищена от густых зарослей, отличалась простором и позволяла легко передвигаться.

Один юноша в простой одежде неторопливо шагнул вперед и, сжав кулаки в вежливом приветствии, произнес:

— Глава Фан, наконец-то мы встретились!

Хотя им предстояло сойтись в смертельной схватке, внешние приличия соблюдались неукоснительно. Фан Юньсюань холодно усмехнулся:

— Лидер Тань, где мои люди? Тань Сивэнь слегка нахмурился, повернул голову, чтобы взглянуть на стоявшего за спиной Наньгун Цзочэня, и с улыбкой произнёс:

— Защитник вашего культа приболел, выйти и встретиться с вами пока не может, прошу прощения за доставленные неудобства!

— Вы, люди из Чжунъюаня, берете в заложники людей, а сами смеее называть себя благородными мастерами? Смехотворно! — голос принадлежал человеку с седыми волосами и бородой, лицо которого при этом было гладким, как зеркало, без единой морщинки.

Наньгун Цзочэнь слегка вскинул голову и громко расхохотался:

— Надо же, даже семьдесят два старейшины из Западных Регионов пожаловали! Неужели Культ Линьинь не смог найти в Чжунъюане достойных бойцов и теперь вынужден со слезами просить о помощи?

Едва он договорил, как тонкий луч света метнулся прямо ему в лицо. Наньгун Цзочэнь в испуге отпрянул назад, лишь чудом избежав удара. Оказалось, что за спиной Фан Юньсюаня стоял миловидный мальчик; он яростно впился в него взглядом, в котором, казалось, вот-вот закипит кровь. Наньгун Цзочэнь пришёл в ярость и рывкнул:

— Где Лань Чжуй? Он испугался? Не смеет явиться сюда, чтобы найти свою смерть?

— Он щадит его ради прежних чувств и не хочет наносить смертельный удар. К тому же, зачем использовать тесак для забоя быков, чтобы зарезать курицу? — Фан Юньсюань поднял Клинок Разрывающего Пустоту и громко провозгласил: — Слушайте все! То, что вам нужно, здесь. Кто

сегодня сможет отобрать его у меня, тому в придачу я подарю собственную голову!

В толпе началось волнение. С тех пор как по миру боевых искусств разошлась легенда о Клинке Разрывающего Пустоту и Цаньяне, кто не мечтал заполучить их себе?

Глаза Наньгун Цзочэня блеснули алчностью:

— Получим Клинок Разрывающего Пустоту, а найти Цаньян уже не составит труда!

— Господа, погодите! — из-за спин толпы раздался мощный и гулкий старческий голос. Это настоятель Дэюань в сопровождении учеников Шаолиня появился на горном склоне. — Когда же прекратится эта цепь взаимной мести? Прошу, одумайтесь!

Тань Сивэнь шагнул ему навстречу:

— Разве мастер не был в затворе, совершенствуя свои навыки?

— Ученики донесли до меня, что происходит сегодня, как же я мог остаться в стороне? Альянс-лидер Тань, поскорее убедите союзников разойтись, не нужно больше губить невинные жизни!

Шестнадцать созвездий Культа Линьинь и семьдесят два старейшины Западных Регионов пользовались в Чжунъюане грозной славой. Многие представители малых сект уже были напуганы этим зрелищем и подумывали об отступлении.

— Стоять! Всем оставаться на своих местах! — внезапно прорычал Наньгун Цзочэнь, отчего все присутствующие вздрогнули.

Его лицо помрачнело, а острый взгляд пронзил собравшихся:

— Четыре года назад в битве на этой вершине против демонического культа три великих клана потерпели поражение и стали посмешищем в мире боевых искусств. Мы увезли семьи на уединенный остров и в заточении упорно тренировались лишь для того, чтобы однажды смыть этот позор. Я хочу, чтобы каждый из вас открыл глаза и смотрел: отныне кто посмеет сказать хоть слово против трёх великих кланов!

Кто-то недовольно выкрикнул:

— Это твои личные дела, я сегодня не хочу в этом участвовать, и что ты мне сдела... — он не успел договорить, как сверкнула тень меча. Кровь брызнула из области между бровей, а в следующую секунду голова несчастного раскололась надвое.

Толпа в ужасе ахнула. Тань Сивэнь в ярости крикнул:

— Господин Наньгун, что вы творите!

— Враг у ворот, и если кто-то посмеет отступить хоть на шаг, его ждет та же участь. — Наньгун Цзочэнь перевёл взгляд на бесстрастного Фан Юньсюаня и насмешливо произнёс: — Ты пришёл сюда сегодня ради него, верно?

Он хлопнул в ладоши, и двое мужчин из толпы вынесли окровавленный свёрток ткани, грубо бросив его на землю. Из свёртка донесся слабый вздох, но тело не шелохнулось.

Фан Юньсюань почувствовал, как сердце бешено заколотилось, он замер, не в силах вымолвить ни слова, глядя на этот комок.

Наньгун Цзочэнь с улыбкой наблюдал за переменой на его лице. Он слегка присел и одним движением сорвал окровавленную ткань. В толпе раздались прерывистые вздохи. Фан Юньсюань судорожно сжал кулаки, дрожа от пронзившей его боли.

Ярко-красное одеяние превратилось в лохмотья под ударами кнута, кровь давно запеклась, раны загнивали и гноились, не осталось ни одного живого места.

Иссиня-черные длинные волосы потускнели и пожелтели, они беспорядочно разметались по лицу, но не могли скрыть пугающие кровавые дыры на месте глаз. Из них непрерывно сочилась кровь, стекая по когда-то прекрасному лицу, теперь мертвенно-бледному.

Красный цвет... он был таким невыносимо едким!

В холодном ветре раздался тигриный рык, от которого, казалось, содрогнулась земля.

Наньгун Цзочэнь не успел среагировать, как Фан Юньсюань обрушил на него удар клинком, рассекая плечо. Кровь фонтаном ударила в воздух. На вершине горы Циюнь начался хаос, люди обеих сторон обнажили оружие.

Бэй Су метнулся к Гун Цюйчэню. Увидев его в таком плачевном состоянии, мальчик не сдержал слёз, дрожащими руками подхватывая его.

— Левый защитник! Левый защитник!

Тело Гун Цюйчэня было ледяным, сознание помутилось. Он дышал слабо и с огромным трудом. Его потрескавшиеся губы задрожали, голос был хриплым до боли:

— Бэй... Бэй Су, это ты?

Мальчик быстро закивал, его слёзы непрерывным потоком капали на лицо умирающего. Бэй Су, напрягая все силы, поднял обмякшее тело Гун Цюйчэня, едва избегая слепых ударов мечей, и укрыл его под деревом у самого края обрыва. В панике он достал целебное снадобье и начал поливать им бесчисленные раны. Крики и звон скрепляющихся клинков пронзали небеса. Мелькавшие повсюду силуэты бойцов сливались в головокружительный танец смерти.

Настоятель Дэюань, чье сердце разрывалось от боли при виде этого хаоса, приказал своим ученикам сделать всё возможное, чтобы разнять сражающихся. Однако люди уже ослепли от ярости, перестав различать своих и чужих — копившиеся годами обиды и ненависть заставляли их биться до последнего вздоха.

Три великих семейства, много лет назад исчезнувшие из мира боевых искусств, теперь вернулись в Чжунъюань, и их мощь заставила всех смотреть на них с нескрываемым изумлением. Сегодня здесь собрались все, кто хоть что-то значил в мире боевых искусств, но даже объединенными силами им не удавалось взять верх. Адептов Культа Линьинь было немного, но каждый из них являлся первоклассным мастером, а семьдесят два старейшины из Западных Регионов то и дело пускали в ход свои причудливые приемы, заставляя противников врасплох.

Люди падали один за другим, и их залитые кровью лица уже невозможно было узнать.

Наньгун Цзочэнь, ослабившись, с удовлетворением наблюдал за тем, как дыхание Фан Юньсюаня становится всё тяжелее. С самого детства он обладал феноменальной памятью: стоило ему увидеть книгу или чей-то прием, как он запечатлевал всё до мельчайших деталей. Ну как тебе? Этот стиль владения мечом, который я перенял у Лань Чжужуя, ведь не так уж плох, верно?

Фан Юньсюань проигнорировал его насмешки. Яд, стремительно распространявшийся по телу, отнимал у него последние силы, и тяжелый Клинок Разрывающего Пустоты, который изначально ему не подходил, теперь казался неподъемным. Он отчаянно хотел прорваться к Гун Цюйчэню, но Наньгун Цзочэнь не давал ему ни секунды передышки, постоянно меняя тактику и сбивая его с ритма, из-за чего Фан Юньсюань постепенно начал сдавать позиции.

Раздался глухой звук — пронзительная боль в левом плече заставила его вздрогнуть. Секундная потеря концентрации стала роковой, и из раны хлынула горячая кровь.

Наньгун Цзочэнь замер, глядя на темно-фиолетовую кровь, сочившуюся из плеча противника, а затем разразился безумным хохотом: Ты уже настолько отравлен, что вряд ли проживешь дольше пары дней! Так и быть, сделаю одолжение — отправлю тебя на тот свет!

Свист меча прорезал воздух у самого уха. Каждая мышца отозвалась острой болью, и, когда лезвие снова рассекло плоть, Фан Юньсюань на мгновение замер. Неужели этот человек сумел освоить боевые искусства Западных Регионов за такой короткий срок?

Его черные глаза сузились. Гнев, который он не мог скрыть, перекрыл физическую боль. Это было чувство сильного унижения — словно кто-то бесцеремонно вторгся в сокровенное, в то, что он берег как величайшее сокровище.

Наньгун Цзочэнь с удивлением заметил, как рассеянность противника сменилась пугающей переменой: от Фан Юньсюаня повеяло ледяной жадой убийства, и воздух вокруг него стал тяжелым и холодным.

Ты разозлился, потому что я так быстро выучил твой стиль? Не переживай, скоро все закончится. После сегодняшнего дня никто — ни ты, ни Лань Чжуй, ни кто-либо еще здесь... — он холодно усмехнулся, — не посмеет встать у меня на пути! Я хочу, чтобы весь мир узнал: только Наньгун Цзочэнь достоин властвовать!

Силуэт, мелькнувший перед глазами, нес в себе давящую мощь. Наньгун Цзочэнь в испуге поспешно нанес удар ладонью, но противник перехватил его запястье. Раздался хруст — кости были раздроблены в щепки.

Фан Юньсюань не дал ему шанса перевести дыхание. Схватив другую руку противника, он сжал ее с такой силой, что послышался треск, а затем серебристо блеснувший Клинок Разрывающего Пустоты описал в воздухе изящную дугу, глубоко вонзившись и перерезав сухожилия на ногах Наньгун Цзочэня.

Крик боли, который тот больше не мог сдерживать, заставил Тань Сивэня, сражавшегося со старейшинами, вздрогнуть. Он был полностью уверен в Наньгун Цзочэне и, не ожидая такого исхода, в шоке бросился на помощь.

Фан Юньсюань, одной рукой сжимая горло Наньгун Цзочэня и удерживая его обмякшее тело, устремил на бегущего Тань Сивэня взгляд, полный кровавого безумия. На его губах расцвела зловещая улыбка, и Клинок Разрывающего Пустоты, выпущенный из рук с яростью молнии, прошил грудь Тань Сивэня насквозь. Протавив противника еще десять с лишним метров, клинок намертво пригвоздил его к столетнему дереву.

Вокруг воцарилась тишина. Все замерли, глядя на прибитого к дереву главу союза, не в силах пошевелиться от потрясения.

После жестокой битвы все вокруг выглядели жалко и изможденно. Смерть Тань Сивэня стала последней каплей — сколько еще глав боевых искусств пало от рук культивистов? Пока ученики сект, словно проигравшие петухи, понуро опустили головы, старейшины Западных Регионов азартно потеряли ладони, решив, что настало время покончить со всеми одним махом.

Фан Юньсюань с ледяным отвращением посмотрел на извивающегося в его руке человека и произнес холодным, как сталь, голосом: Сегодня ты проиграл из-за собственного высокомерия. Ты слишком самоуверен, чтобы постичь истинное мастерство!

Внезапно позади раздался пронзительный крик Бэй Су: Глава!

Фан Юньсюань вздрогнул, бросил свою жертву и вихрем метнулся к дереву у обрыва.

Бэй Су, обнимая Гун Цюйчэня, заливался слезами. Настоятель Дэюань, убрав пальцы с пульса юноши, с тяжелым вздохом опустился на землю и принялся медленно перебирать четки, что-то тихо шепча. Ученики Шаолиня, выглядевшие не менее измотанными после битвы, сели вокруг учителя, вторя ему размеренным чтением сутр.

Силы покинули Фан Юньсюаня. Его ноги подогнулись, и он опустился на колени рядом с Гун Цюйчэнем, бережно забирая из рук Бэй Су тело, которое уже начало остывать. Он двигался осторожно, словно боясь причинить ему боль.

Умиравший юноша, почуяв знакомый аромат, пришел в себя. Слабыми руками он уцепился за одежду Фан Юньсюаня и с мольбой прошептал: Сяояо... это ты? Это правда ты?

Фан Юньсюань прижал его ладони к губам и нежно поцеловал, сдерживая рыдания: Это я. Я здесь.

Сяояо... всё кончилось? Мы можем вернуться домой?

Фан Юньсюань кивнул, вытирая рукавом запекшуюся кровь с лица любимого. Бэй Су, увидев это, поспешно снял с пояса флягу с водой.

В этот миг к Гун Цюйчэню словно вернулись остатки жизненных сил — он начал бессвязно говорить, перестав чувствовать боль.

Помнишь, в детстве мы втроем любили играть под деревом утун? Мы не хотели уходить даже после заката, и учитель каждый раз нас ругал. Я тогда еще спросил тебя: уйдем ли мы оттуда, когда вырастим? Сяояо, ты помнишь, что тогда ответил?

Он тихо рассмеялся, и в его бледном лице, лишившемся того живого блеска, проступили воспоминания о безмятежном прошлом. Ты сказал мне... Сяояо, мы никуда не уйдем, мы останемся здесь навеки, даже если придется умереть под нашим деревом утун!

Юньсюань крепко обнимал его, и слезы, как оборвавшиеся жемчужины, падали на исхудалое лицо.

Сердце разрывалось от невыносимой боли: если бы ты не встретил меня, ты прожил бы гораздо более счастливую жизнь и ни за что не закончил бы так. Он знал, что может предложить ему лишь братскую любовь, и пытался искупить это своей заботой. Но в итоге — это он погубил его!

Если бы всего этого не было — ни Усадьбы Жэнь, ни этой глубокой ненависти, ни Культа Линъинь, ни Жэнь Сяояо...

Гун Цюйчэнь внезапно зашелся в приступе кашля, кровь окрасила его губы, дышать стало трудно. В страхе он вцепился в Фан Юньсюаня, не желая отпускать: Сяояо... я хочу домой. Я так хочу вернуться в Сишуанцбаньна... я... я скучаю по тому дереву утун, скучаю по нашим беззаботным дням...

Фан Юньсюань дрожащими руками стер слезы с лица, наклонился и нежно поцеловал его

потрескавшиеся губы: Хорошо, мы вернемся домой. Мы обязательно вернемся...

Мужчина, чья красота когда-то ослепляла мир, одарил его спокойной улыбкой, медленно склонил голову и, исполненный покоя, уснул на руках у того, кого любил больше жизни.

Фан Юньсюань смотрел, как из него уходит последний вздох, слушал плач Бэй Су и вздохи старейшин — его сердце словно разрывали на части. Тот, кто должен был умереть, — это он сам, так почему же это случилось с ним?

Внезапно раздался долгий, пронзительный вопль, сотрясший горы и эхом отозвавшийся в небесах. Казалось, он хотел выплеснуть всю накопленную годами обиду и раскаяние, и этот звук не стихал очень долго.

Внезапно он почувствовал на себе чей-то жгучий взгляд. Знакомое ощущение заставило его обернуться. В бескрайней толпе он увидел Лань Чжужу.

Тот смотрел на него с нежной печалью. Лань Чжуй медленно поднял руку, с силой выдернул Клинок Разрывающего Пустоты из тела Тань Сивэня и направил его на Наньгун Цзочэня, безвольно лежавшего поодаль: Четыре года назад я спас здесь твою жизнь. Сегодня пришло время вернуть долг.

Взмах клинка, фонтан крови — голова отлетела и покатилась к ногам Фан Юньсюаня. Лань Чжуй посмотрел ему прямо в глаза и твердо произнес: В небесах ли, на земле — куда бы ты ни отправился, я пойду следом.

Фан Юньсюань, обнимая остывшее тело, пошатнулся и встал. Еще шаг — и под ногами разверзнется бездна.

Лань Чжуй, в этой жизни я уже слишком многим обязан ему, а мой долг перед тобой... вернем в следующей!

Последнее, что он услышал, были вскрики людей. Его тело стремительно падало назад, встречный ветер грозил разорвать его на части. В тот миг, когда он срывался в пропасть, он увидел, как Лань Чжуй прыгнул следом, не раздумывая ни секунды.

Тело разрывало от напора ветра, но он продолжал судорожно прижимать к себе бездыханного друга, а Лань Чжуй, следовавший за ним в бездну, был так далек...

Если будет следующая жизнь, я хотел бы стать птицей, чтобы вечно парить рядом с тобой.

Эпилог

С неба моросил мелкий дождь, укрыв за тучами безжалостное солнце, которое уже несколько дней не давало передышки увядающим цветам и травам.

Мужчина, сидевший перед бревенчатым домом, открыл глаза, поднялся, убрал сушившиеся на солнце целебные травы обратно в дом и, подхватив стоявший у порога бамбуковый зонт, направился вглубь долины, откуда доносились звуки изящной мелодии флейты.

Блестящая гладь озера была усеяна упавшими лепешками ив, которые слегка подрагивали от капель дождя. В воздухе разливался свежий цветочный аромат, а звук флейты становился все отчетливее по мере приближения.

Однообразная, но наполненная нежностью мелодия каждый день звучала в этой тихой долине.

<http://bllate.org/book/21134/2144003>